

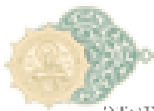
Бібліографическія замѣтки.

П. Мининъ. *Главныя направленія древне-церковной мистики.*
Сергіевъ посадъ 1916. 87 стр. Ц. 50 к.

Печатавшееся въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ съ 1911 г. (1911, декабрь, стр. 823—838; 1913, май, стр. 151—172; 1914, июнь, стр. 304—326; сентябрь, стр. 42—68) ученое изслѣдованіе П. М. Минина о главныхъ направленіяхъ древне-церковной мистики недавно—почти наканунѣ 1916 г.—вышло, наконецъ, въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. Всѣ, кто еще по Бог. Вѣстнику знакомы съ этой работой, несомнѣнно, будутъ весьма рады ея появленію. Она теперь весьма кстати, судя по увеличенію мистическихъ запросовъ въ нашемъ обществѣ и литературѣ. Она вообще тѣмъ болѣе кстати, что можетъ направить вниманіе читателей отъ ложныхъ и болѣзненныхъ мистическихъ порывовъ къ здоровой и святой мистикѣ отцовъ Церкви. Авторъ книги—полный хозяинъ своей темы. Онъ уже извѣстенъ, какъ ученый работникъ въ области изученія мистики. Перу его принадлежитъ весьма хорошая брошюра: „Мистицизмъ и его природа“ (Серг. пос., 1913). Но особенно съ блестящей стороны обнаруживаетъ онъ себя въ настоящемъ своемъ произведеніи. Въ своей книгѣ онъ даетъ обзоръ древне-отеческой мистики на большомъ протяженіи времени—отъ Климента александр. до Симеона Новаго Богослова, съ одинаковымъ вниманіемъ изслѣдуя каждого изъ затрагиваемыхъ имъ церковныхъ писателей. Все изслѣдованіе автора написано по первоисточникамъ. Привлечена имъ также и вся нужная литература,—спеціальная и общая, русская

и иностранная. Но что особенно плѣнительно въ его книгѣ, такъ это тѣ широкія обобщенія, которыми онъ украсилъ свою работу. Въ этомъ не малое его преимущество предъ другими учеными изслѣдователями. Обыкновенно въ ученой работѣ детальныя изысканія поглощаютъ все вниманіе изслѣдователя: въ результатѣ онъ размѣивается на мелочи, сужаетъ свой кругозоръ и теряетъ способность подниматься на ту высоту, съ которой онъ могъ бы окинуть широкимъ взоромъ свой сырой разрозненный матеріалъ, опредѣлить въ немъ главнѣйшіе типы и общія особенности, подвести случайныя скопленія фактовъ подъ закономѣрныя, такъ сказать, рамки и представить ихъ въ видѣ органически связанныхъ и послѣдовательныхъ рядовъ. Но именно отъ указанного недостатка свободенъ нашъ авторъ. Способность и усердіе къ детальному анализу не уступаютъ у него силѣ синтеза. Онъ смѣло создаетъ широкія и всеобъемлющія обобщенія. Благодаря тому ему удается въ общихъ штрихахъ нарисовать плѣлую картину развитія древне-христіанской мистики, живописно отдѣлать отличительныя черты отдѣльныхъ ея типовъ и рельефно изобразить особенности мистическаго склада каждаго изучаемаго писателя, насколько тѣ выразились въ творческихъ продуктахъ ихъ высокаго религіознаго духа.

Авторъ устанавливаетъ, какъ результатъ своего изслѣдованія, три главныхъ направленія древне-церковной мистики—„абстрактно-спекулятивное“, „нравственно-практическое“ и примирительное. Послѣ общей характеристики ихъ (1—11) онъ переходитъ къ изложенію воззрѣній представителей перваго направленія (12—39). Здѣсь подъ его умѣлымъ перомъ начинаютъ съ величавой послѣдовательностью въ дымокѣ философскаго глубокомыслія проноситься предъ нами возвышенныя воззрѣнія *Климента александр.*, перваго представителя церковнаго мистическаго *γυβωσις*'а, *Діонисія Ареопагита*, загадочнаго автора загадочныхъ, почти непонятныхъ по возвышенности богословствованія книгъ, и св. *Григорія Нисскаго*,

этого величайшаго во отцахъ философа. На смѣну этимъ великанамъ богословствующей мысли, отцамъ абстрактно-спекулятивной мистики, выступаютъ у автора далѣе люди чувства и подвижническаго дѣланія, представители нравственно-практическаго направленія мистики, съ ихъ болѣе простымъ, болѣе нагляднымъ и вмѣстѣ полнымъ боже живого и яркаго чувства духовно-мистическимъ опытомъ. После *Оригена*, значеніе котораго въ отношеніи къ мистикѣ можно признать просто миниатюрнымъ по сравненію съ его огромными заслугами въ богословіи, живо и наглядно во всемъ блескѣ и красотѣ своихъ глубокихъ и проповѣдвенныхъ созерцаній встаетъ предъ нами *преп. Макарій Египетскій*, поетичѣ Великій среди великихъ; за нимъ — не менѣе привлекательный тайновидецъ мистическаго боговѣдѣнія *преп. Симеонъ Новый Богословъ*, въ XI в. воскресившій въ одряхлѣвшей Византіи преданія святой старинны и пробудившій въ ней высшіе запросы мистическаго чувства (39—69). Наконецъ, какъ объединеніе того и другаго направленія, отмѣчается у автора третье — эстетико-гностическое (и рьяно-гностическое) направленіе, и въ числѣ представителей его получаютъ сжатую, но полную характеристику *преп. Исаакъ Сиринъ* и *преп. Максимъ Исповѣдникъ* (69—86).

Такъ въ сжатой и цѣльной картинѣ охватываетъ авторъ въ своемъ сочиненіи всѣхъ значительныхъ представителей мистики въ древней Церкви до XI в. (кромѣ только развѣ Евагрія). О каждомъ изъ нихъ онъ вкратцѣ даетъ исчерпывающее представленіе и всецѣло вводитъ своего читателя въ содержаніе его таинственныхъ воззрѣній. И какъ дѣлаетъ это кратко и сжато! То поистинѣ драгоцѣнное качество автора: въ маломъ онъ даетъ много. Изъ небольшой книжонки создается прекрасное руководящее пособіе къ обзорѣнью всей древне-церковной мистики, не нанося при этомъ никакого ущерба интересамъ детальнаго изслѣдованія. Отвѣдомленность и литературныя дарованія автора умѣютъ показать себя и

безъ широковыдательныхъ выступлений. Изначество изложе-
нія въ его книгѣ сочетается съ строгой научностью трактат-
ціи, краткость съ содержательностью. Вотъ гдѣ одинъ изъ
тѣхъ немпогихъ случаевъ, когда и съ малой книгой дѣлаютъ
серьезный вкладъ въ науку.

Конечно, кое въ чемъ можно съ авторомъ и не согла-
саться. Намъ, напр., кажется, что авторъ чрезмерно преувели-
чиваетъ (въсѣдь за Косв'омъ) преобладаніе у св. Григорія
Н. спекулятивного элемента, отождествляя его мистику съ
отвлеченнѣйшей апофатикой Діонисія Ареопагита. Если при-
нять во вниманіе нѣкоторыя мѣста въ сочиненіяхъ Григорія
Н., особенно въ комментаріи на Пѣснь Пѣсней и въ соч. „О
дѣвствѣ“ (ср. нашу книжку: „Преп. Максимъ Исповѣдникъ
и византійское богословіе“, Кіевъ 1915, стр. 16), то у него
можно найти не меньше этическихъ элементовъ, чѣмъ и у
Оригена, относимаго авторомъ къ представителямъ нравствен-
но-практическаго направленія мистики. Кстати сказать, Ори-
гена, какъ намъ кажется, можно только съ нѣкоторыми огра-
ниченіями считать мистикомъ: врядъ ли это былъ умъ, спо-
собный переживать высокія трепетанія мистическаго духа.
Во всякомъ случаѣ по своимъ мистическимъ задаткамъ онъ
значительно уступалъ Клименту алекс., съ которымъ бы
его лучше всего было и сопоставлять въ отдѣлѣ спекуляти-
вно-философской мистики. О Симеонѣ П. Богословѣ слѣду-
етъ отмѣтить, что онъ собственно приближается къ прими-
рительному направленію. Относительно представителей по-
слѣдняго направленія можно сдѣлать два побочныхъ замѣчанія.
Авторъ напрасно считаетъ Исаака Сирина предшественникомъ
преп. Максима (стр. 81, прим. 5). Теперь твердо установлено, что
преп. Исаакъ жилъ въ концѣ VII и нач. VIII в., т. е. послѣ
преп. Максима. Въ выдержкѣ изъ пр. Максима на стр. 82
допущена опечатка: вм. *κατάστασις* нужно *ἀνάστασις*.

Но все это—мелочи. Въ общемъ же книга П. М. Мина-
ца по своимъ научнымъ и литературнымъ достоинствамъ

должна быть признана едва ли не за лучшее произведеніе въ нашей литературѣ по вопросамъ мистики. Можно, поэтому, усиленно рекомендовать ее просвѣщенному вниманію нашего образованнаго общества.

С. Епифановичъ.

И. Г. Айвазовъ. *Матеріалы для изслѣдованія русскихъ мистическихъ сектъ. Выпускъ первый. Христовщина. Томъ I (VII+648 стр.), II (VII+583 стр.), III (VII+438 стр.) Петроградъ, 1915.*

Цѣна всѣхъ трехъ томовъ 15 руб.

Одинъ изъ выдающихся русскихъ сектоѣдовъ въ числѣ причинъ, задерживающихъ у насъ развитіе научнаго изученія русскаго сектантства, считаетъ то, что наше сектантство долгое время составляло тайну Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Эта таинственность, которою окружались дѣла сектантовъ, говоритъ онъ, не давала возможности постороннему лицу проникнуть въ жизнь сектантовъ (Епископъ Алексій, Правосл. Соб. 1907, октябрь, 439 стр.). Едва ли, конечно, нужно всецѣло оспаривать такое представленіе дѣла о состояніи научнаго изученія у насъ русскаго сектантства. Можно развѣ только смягчить его или, лучше, доволнить. Намъ кажется, что не только та таинственность, которою, по планамъ правительства, окружались дѣла сектантовъ, но и самое отсутствіе въ обществѣ интереса къ міру сектантскому служить сильнѣмъ объясненіемъ того, почему такъ долго въ его область никто не входилъ своимъ пытливымъ умомъ. Вѣдь, почти до самаго послѣдняго времени у насъ не раздѣляли сектантства отъ раскола. Подъ словомъ „расколъ“ разумѣли совокупность всѣхъ вообще религіозно-бытовыхъ протестовъ и разномысліи русскаго народа (А. Пругавинъ, Русская Мысль. 1881. I, 303). На этомъ смѣшеніи построены, къ сожалѣнію, почти всѣ наши законодательные акты, желавшіе опредѣлить правовую

жизнь русских диссидентов. Редакторы, напр., послѣдняго, дѣйствующаго нынѣ, Угол. Уложенія, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ сохранившіеся журналы и протоколы Комиссій, даже совѣтъ рѣшили вычеркнуть изъ терминологіи Уложенія слово „сектантство“, оставивъ старое обозначеніе „расколъ“. Исслѣдователи народной жизни болѣе интересовались вопросами: „какъ папаетъ нашъ крестьянинъ“? „что онъ ѣсть, пьетъ“? „во что одѣвается“? забывая болѣе существенные вопросы: „что онъ думаетъ“, „во что и какъ вѣритъ“? Даже въ программѣ, изданной Императорскимъ Географическимъ Обществомъ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній и, въ частности, для изученія умственной и нравственной народной жизни, сектантство пройдено молчаніемъ. Эти немногіе факты краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что у насъ, къ сожалѣнію, до самаго послѣдняго времени не было интереса къ русскому сектантству, какъ, въ извѣстной мѣрѣ, самобытному, національному явленію религіозной жизни. Расколъ старообрядчества и его чаини—вотъ что привлекали къ себѣ вниманіе научныхъ силъ русскаго общества. Между тѣмъ явленія религіозной жизни раскола тоже не пользовались особенною свободою. Расколъ, писалось въ свое время,—явленіе, которое не можетъ быть признано нормальнымъ въ руссійскомъ государствѣ. Противъ послѣдователей его, противъ самой формы пропаганды также направлялись административно-судебныя средства, и дальнѣйшая судьба виновныхъ оставалась въ меньшей тайнѣ. Однако изученіе русскаго раскола можетъ уже давно имѣть свою исторію. Въ прошломъ изученія русскаго раскола мы можемъ насчитывать достаточно работниковъ, которые, со всею серьезностью и дѣловитостью мужской науки, принимались за выясненіе различныхъ вопросовъ старообрядчества. Какимъ же образомъ, при одинаковости условій существованія раскола съ сектантствомъ, лишь для расколовѣдовъ былъ открытъ доступъ въ равныя тайны жизни старообрядцевъ?! Нѣтъ, повторяемъ, въ отношеніи русскаго

сектантства до конца прошлаго столѣтія мы не видимъ въ обществѣ интереса—имъ не хотѣли заниматься, потому что въ простотѣ сердечной думали, что не стоить заниматься имъ. Сектантство считалось продуктомъ лишь крайней темноты небольшой части русскаго населенія, болѣзью, пожалуй, которою должна больше вѣдать врачебная наука, чѣмъ какая-ниб. исторія. Неудивительно, что появленіе научныхъ трудовъ по сектантству, опубликованіе добытыхъ матеріаловъ не только являлось большою радостью для сектовѣда, но и составляло цѣлую эпоху въ исторіи русскаго сектовѣднія. Преосвящ. Алексій, архіепископъ Владимірскій, первый далъ примѣръ къ такому новому тщательному изслѣдованію русскаго сектантства. Его матеріалы по изученію южно-русскаго рационалистическаго сектантства, составляющіе весьма объемистый томъ, самое изслѣдованіе объ этомъ сектантскомъ движеніи, на основаніи добытыхъ матеріаловъ, служатъ настольными книгами въ дѣлѣ обстоятельнаго научнаго изученія южно-русскаго баптизма. Въ настоящее время даже трудно что-нибудь прибавить къ тѣмъ самостоятельнымъ, оригинальнымъ и, вмѣстѣ, вполне отвѣчающимъ дѣйствительности, выводамъ о южно-русскомъ баптизмѣ, которыя представилъ въ своихъ трудахъ Высокопреосвящ. Алексій.

Съ такимъ же чувствомъ удовольствованности и признаніемъ особеннаго научнаго значенія, современный сектовѣдъ долженъ отмѣтить и недавно вышедшіе въ свѣтъ три громадныхъ тома матеріаловъ по изученію давнишней русской секты хлыстовъ или *христовщины*—трудъ И. Г. Айвазова, петроградскаго епархіальнаго миссіонера и доцента петроградской дух. Академіи. По тому, что всѣ три тома объединены названіемъ *перваго* выпуска, можно считать, что это—начало грандіозной работы, задуманной И. Г. Айвазовымъ, въ помощь объективному изученію русскаго сектантства.

Въ дѣлѣхъ безпристрастнаго изученія „христовщины“ ощущался особенный недостатокъ въ матеріалахъ. Сами хлысты всѣми мѣрами скрываютъ „особность“ своего міровоззрѣнія и для постороннихъ часто являются весьма примѣрными сынами православной Церкви. Это не значитъ, что совсѣмъ нѣтъ литературы по изученію хлыстовства. Добротворскій, Кутеповъ, Мельниковъ, Реутскій, Рождественскій — всѣ эти извѣстныя научныя силы. Но основы и выводы ихъ изысканій и трудовъ не затрогиваютъ широко этой любопытной, типичной русской секты, оперируютъ надъ скуднымъ матеріаломъ, который немалюбожно нуждается въ дополненіяхъ и тщательной критической провѣркѣ посредствомъ новыхъ данныхъ. Понятно, что діагнозомъ хлыстовства, какъ болѣзненной религіозной экзальтаціи, дѣло изученія христовщины или хлыстовщины не можетъ быть ограничено. Матеріалы И. Г. Айвазова даютъ факты къ болѣе широкой и всесторонней постановкѣ вопроса о сущности хлыстовства. Съ одной стороны, они имѣютъ доказательства дѣйствительно явно патологическаго состоянія послѣдователей хлыстовства—неуравновѣшенности ихъ психики, фактовъ большой истеріи до такой степени, что у хлыстовъ дѣлаются возможными во время молитвенныхъ собраній чудовищныя, неожиданныя надуванія живота (Матеріалы I, 571 стр.)¹⁾; только болѣзненное состояніе нервовъ самымъ серьезнымъ образомъ можетъ убѣдить женщину, что она „обратилась“, напр., въ мужчину, или позволить одному супругу совершить половой актъ въ присутствіи другого супруга (ibid.). Но въ то же время разсматриваемые Матеріалы свидѣтельствуютъ и о болѣе высокихъ начальныхъ подкладкахъ образующагося сектантства. Въ основѣ хлыстовщины лежитъ религіозный мистицизмъ нашей природы, неудовлетворенность запросовъ послѣдняго со стороны окружающаго общества и

¹⁾ Случаи, извѣстные въ медицинскихъ анналахъ подъ именемъ „истерическаго метеоризма“.

проникающие отсюда самостоятельные поиски правды и смысла жизни, каковы, при народной темноте и невежестве, и оканчиваются изувёрными формулами и фактами. Эти условия не только не исключаются Материалами, но и очень ярко иногда ими оттеняются. „Секта хлыстовъ, вѣрно читаемъ въ одномъ мѣстѣ, есть расколъ, исполненный нелѣпостями и съ обрядами странными, могшими составиться только у невежественныхъ людей, блуждающихъ въ исканіи истиннаго молитвословія“ (Материалы. I, 65). Все это вмѣстѣ взятое, понятно, прежде всего начертываетъ специальный способъ серьезнаго и осторожнаго миссіонерскаго воздѣйствія на сектантовъ разсматриваемаго типа. Въ этомъ отношеніи, по нашему, въ „Материалахъ“ есть даже любопытный документъ, касающійся „жеровцевъ“ конца XIX ст. Основательницей этого хлыстовскаго толка является „тетушка Кузьминична“, крестьянка села Раковки Самарской губ. и уѣзда. Кузьминична обратила вниманіе на себя тѣмъ, что начала собирать около себя группы крестьянъ и читать библію, пѣть съ ними каноны, акафисты, не выходя совсѣмъ изъ повиновенія Правосл. Церкви. Ея поклонники, довольные такими собраніями, очень скоро начали считать ее за святую, а не совсѣмъ тактичные представители ближайшей миссіи въ этой святости усмотрѣли хлыстовское обоготвореніе. Такъ было представлено дѣло и самарскому епископу Гурію. Но послѣдній взялся за изслѣдованіе этой секты самъ и своимъ архипастырскимъ тактомъ довелъ дѣло до такого выясненія, что Кузьминична и не думала основывать к.-н. секту. До „секты“ собранія ея чуть не довели неблагоразумные почитатели. Вотъ что пишетъ сама Кузьминична: „я сама не могу понять и взять себѣ въ толкъ, какимъ образомъ прославилась, какъ ересе-учительница секты, т. е. монганъ или хлыстовъ, какъ извѣстно отвергающихъ необходимость принадлежать къ Св. Христовой Церкви, мнящихъ спастись безъ пастырей и отцовъ духовныхъ ..

Оставшись въ молодыхъ годахъ вдовицею, я ни своимъ учениемъ, ни своею жизнью не подавала никакого повода къ нарушенію святости брачнаго житія и дозволенности внѣ онаго... Раздумывалъ о томъ, какимъ образомъ и за что я прославилась, какъ ересе-начальница хлыстовской секты, я пришла къ печальному для меня выводу, не сослужили ли мнѣ эту службу мои почитатели, въ народной молвѣ прославившіея послѣдователями моего ученія“ (I, 350). Можно и еще указать подобныя примѣры изъ разсматриваемыхъ Матеріаловъ, показывающихъ, какая зоркость, бдительность требуется отъ дѣятели миссіи. Изъ сказаннаго уже видно, какимъ образомъ разсматриваемыя „Матеріалы“ рѣшаютъ вопросъ и о причинахъ и началѣ секты хлыстовъ или христовщины. Очень важно, что нѣкоторые документы фактически подтверждаютъ недовольство народа бросающимися недостатками личной и общественной жизни приходского духовенства: „ежели бы священники жили, какъ должно, то были бы они столбами Церкви и солью земли, чего на дѣлѣ мы не видимъ“ (I, 147), заявляется въ одномъ мѣстѣ. „Я убогіи человекъ, ищетъ хлысть Утицкій,

Безъ друзей мой вѣкъ прошелъ,
Никто мнѣ не сказалъ пути,
Которымъ долженъ я идти,
Поставниковъ я не имѣлъ,
О чемъ въ душѣ всегда скорбѣлъ.
Я много пустынь исходилъ
Но для себя не находилъ
Нигдѣ духовнаго лица.
Съ любовію друга и отца“ (I, 262).

Укоръ духовенству въ созданіи сектантства, конечно, не новъ, и онъ—любимое занятіе „адвоката“ сектантовъ В. Бончъ-Брусевича. Но что въ этомъ случаѣ есть доля правды, это, къ сожалѣнію, говорятъ и Матеріалы И. Г. Айвазова. Другой вопросъ, можно ли сильно или исключительно укорять русское духовенство въ дѣлѣ зарожденія сектантства, и не лучше ли въ данномъ случаѣ прежде упрековъ посмо-

трѣть на дѣло при свѣтѣ современнаго положенія прихода и служителя Церкви, которое дѣлаетъ труднымъ всецѣлое отданіе его религіозно-просвѣтительнымъ заботамъ о массахъ народныхъ... Другая причина зарождепія христовщины—невѣжество, темнота русскаго народа. Дайте народу побольше свѣта, школы съ опредѣленными строго-церковными образованными людьми, съ опредѣленнымъ вліяніемъ въ школахъ законоучителя—грустный вопль почти всѣхъ опубликованныхъ матеріаловъ. Наряду съ этимъ, даются Матеріалами извѣстія и о томъ, какъ разныя психологическія подробности служатъ своеобразнымъ фономъ для зарождепія и хода пропаганды хлыстовства, что хлысты—религіозные фанатики съ міровоззрѣніемъ узкимъ и одностороннимъ, съ сильнымъ аффективнымъ напряженіемъ чувственной сферы, есть среди нихъ дегенераты, подверженные сильному вліянію алкоголя въ прошломъ. Бросаются извѣстія и такого рода, что „секта хлыстовъ имѣетъ начало въ давности, есть миссія (въ ней) относящаяся къ ветхозаконоію, ко временамъ пр. Давида; согласіе было прежде одно: скопцовъ и хлыстовъ. Въ послѣдствіи они раздѣлились: между сторонниками произошло разномысліе, ссоры, драки. Одного изъ скопцовъ осилили, хлыстами лозами, вышибли ему глазъ, и съ того будто бы стали называть ихъ хлыстами“ (I, 68). „Секта хлыстовъ происходитъ отъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, жившихъ на рѣкѣ Уралѣ, а послѣ бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія“ (I, 89 стр.) „Хлысты позаимствовали свое вертѣнье и свои молитвенные хороводы отъ магометанскихъ дервишей, которые при молитвѣ кружатся до упада въ обморокъ и считаютъ это дѣло богоугоднымъ; къ странному хлыстовскому молитвенному тѣлодвиженію подавъ поводъ поступокъ пророка Давида, скакавшаго предъ ковчегомъ завѣта“ (I, 95 стр.). „Трудно съ достовѣрностью объяснить обстоятельства, подавшаго поводъ къ хлыстовщинѣ. Можно полагать, что къ оному послужили жидовскіе

обычай, сообщаемые при молитвѣ. У жидовъ—людей бѣглаго, живого соображенія, мыслей разсѣянныхъ, для поддержанія вниманія къ чтенію молитвъ введенъ обычай сопровождать молитву быстрымъ движеніемъ рукъ и замѣтнымъ суставнымъ движеніемъ всего тѣла, какъ бы для выраженія чувствованія того, что жиды въ молитвѣ читаютъ. Можно случиться, что кто-либо изъ простыхъ христіанъ, насмотрѣвшись на вѣщный образъ жидовской молитвы, задумалъ для поддержанія вниманія къ молитвѣ, для удержанія въ головѣ своей мысли молитвы дозволить себѣ то топанье ногою, то движеніе тѣломъ—въ желаніи, какъ бы отбѣгнуться отъ натиска постороннихъ мыслей, часто налетающихъ въ души наши при молитвѣ, вопреки нашему желанію" (I, 94). Понятно, что всѣ эти извѣстія въ дѣлѣ научнаго изученія сектантства представляютъ мотивы для раздумья.

Таковы вкратцѣ общіе выводы для сектовѣдѣнія изданныхъ матеріаловъ И. Г. Айвазова.

Отмѣчая детали, нужно сказать, что Матеріалы даютъ особенно обширный матеріалъ для изученія специальныхъ хлыстовскихъ фракцій: Ермоленковцевъ, въ концѣ XIX ст. и XX ст., а также секты „Новаго Израиля“. Здѣсь сообщаются очень важныя автобіографіи сектантовъ (напр. Увара Ермоленка—М. II, 1—9 стр.), символическія книги ихъ—Книга 1900 года. Увара, сына Порфиріева (II, 40—55), описаніе вѣры (ibid. 40—55 стр.), Порфирія Катасова врученіе своимъ вѣрнымъ (ibid. 56—71 стр.), десять заповѣдей Ермоленка (72—78), толкованіе Ермоленка на 67 пс. (79—81), поученія Ермоленка, посланія его, записки, письма, молитвы, любопытная, большая переписка между ермоленковцами (II, 82—473 стр.), „книга жизни Господа Иисуса Христа на второе пришествіе П. Это, т. е. на 21 вѣкъ П—М., Сына Вольнаго Эфира къ вѣкамъ міра сего въ лѣто 10-е“, проповѣди, посланія Лубкова, программы великихъ Божьихъ

дѣйствій, программа новой юлой жизни, манифесты, приказы В. С. Лубкова, переписка между лубковцами (III т.) и т. п. Одинъ перечень содержанія томовъ показываетъ, какой богатый матеріалъ заключается въ новыхъ изданіяхъ И. Г. Айвазова для распознаванія христовщины.

Всѣ изданные матеріалы являются плодомъ усиленныхъ многолѣтнихъ поисковъ нашего автора—съ 1899 года, въ званіи миссіонера въ епархіяхъ Тамбовской, Екатеринославской, Харьковской, Московской и Петроградской, а съ 18 октября 1912 г., и въ званіи преподавателя по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства—сперва въ московской дух. Академіи, а затѣмъ въ петроградской, что придаетъ сообщеніямъ особую цѣнность. Печатаются матеріалы съ тщательнымъ сохраненіемъ полноты и неповрежденности или точности документовъ—авторъ какъ бы фотографируетъ ихъ, не допускаетъ отъ себя никуда ни сокращеній, ни добавленій, ни, наконецъ, истолкованій или поясненій. Матеріалы отличаются новизною—это также ихъ особенная цѣнность. Въ концѣ „Матеріаловъ“ имѣются особыя приложенія: 1) алфавитный указатель стиховъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, и 2) алфавитный указатель собственныхъ именъ, названій мѣстностей, учреждений и пр., встрѣчающихся въ каждомъ томѣ.

Но нѣтъ литературнаго произведенія, которое бы было безъ недостатковъ—такъовъ удѣлъ человѣческаго знанія... И мы, въ заключеніе, разрешаемъ себѣ поставить предъ достойнымъ авторомъ нѣсколько недоумѣній. Намъ лично удивляетъ, почему въ книгахъ нѣтъ матеріаловъ изъ центральныхъ столичныхъ архивовъ, изъ архивовъ такихъ монастырей, какъ Суздальскій, Соловецкій? Авторъ пишетъ: „мы тщательно старались документировать самое происхожденіе матеріаловъ, ихъ принадлежность и подлинность“ (I, V; II, V; III, VI). Къ сожалѣнію, этого обѣщанія во всей полнотѣ, шир., въ вопросѣ о подлинности, нашъ почтенный авторъ

не исполняютъ вездѣ. Некоторые документы, относящіеся къ Радаеву (I, 110—119 стр.), уже были напечатаны въ ж. „Русскій Архивъ“, 1915 г., кн. 4 (стр. 421, 419, 410)—этого авторъ не упоминаетъ такъ же, какъ —извѣстность историческихъ свѣдѣній о хлыстахъ, сообщенныхъ на 89 стр. I тома Матеріаловъ, Добротворскому (срв. Люди Божіи. Казань, 1869, 27 стр.) и свящ. А. Рождественскому (Хлыстовщина и скопчество въ Россіи. М. 1882. 19 стр.). Неизвѣстнымъ остается распределеіе самыхъ матеріаловъ, которое, по словамъ автора, „должно носить на себѣ печать преемственности времени, со всеми атрибутами каждаго періода“ (I, VI; II, V; III, VI). Въ первомъ выпускѣ хлысты доведены до нашихъ дней 2 и 3 выпуски переходятъ опять къ концу XIX ст. Какая преемственность между фактическимъ матеріаломъ выпусковъ? Намъ кажется, что каждому бы тому естественно имѣть свое специальное введеніе... Впрочемъ, всѣ эти дефекты касаются больше формальной стороны дѣла и нисколько въ общемъ не роняютъ научнаго значенія Матеріаловъ—это тѣмъ болѣе, что авторъ не только еще не окончилъ своего издательскаго труда, но и самые то настоящіе матеріалы, служащіе основой къ специальному изслѣдованію автора о хлыстовщинѣ, каковое, мы знаемъ, должно скоро появиться. Въ этой изслѣдовательной диссертации, полной, нужно ожидать, богатыхъ научныхъ сопоставленій и выводовъ, всесторонняго интереснаго освѣщенія секты хлыстовщины, пояснителен и то, что вызываетъ въ настоящемъ случаѣ недоумѣнія.

Свящ. Н. Фетисовъ.